

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.36>

Рудакова Ирина Викторовна

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПИСЬМЕННОГО СЛОВА

В статье анализируется история существования интеллигенции сквозь призму письменного слова. Даны типологические черты, особенности формирования и развития, специфика образа мысли и образа жизни этого социального типа через отношение к письму, литературе. В итоге выявлено, что на разных этапах своего развития интеллигенция по-разному относилась к письменному слову: от источника знания, сакральной истины в дореволюционную эпоху до средства борьбы - в советскую. Особое место в формировании интеллигенции занимала литература. Несмотря на явные отличия литературных процессов двух временных отрезков, есть одно важное общее свойство - литературоцентричность.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/10/36.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 10. С. 185-188. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

MUSLIM COMMUNITIES OF THE USA AND CANADA: MODERN MIGRATION CHALLENGES

Nuriakhmetova Flyura Mubarakzyanovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Kazan State Power Engineering University
nuriakhmetova_fm@kgeu.ru

The article examines the peculiarities of the American and Canadian models of the Muslim immigrants' integration into the western society considering modern migration streams from Islamic countries. The author believes that, in contrast to the USA, Canada's policy of multiculturalism allows preserving cultural diversity, tolerant attitude to both local and imported traditions. The paper concludes that world experience and approaches to solving the immigration problem justify the efficiency of multiculturalism policy as a strategy of ethnic integration.

Key words and phrases: North American Muslims; immigration; multiculturalism; adaptation; models of integration.

УДК 101

Дата поступления рукописи: 17.07.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.36>

В статье анализируется история существования интеллигенции сквозь призму письменного слова. Даны типологические черты, особенности формирования и развития, специфика образа мысли и образа жизни этого социального типа через отношение к письму, литературе. В итоге выявлено, что на разных этапах своего развития интеллигенция по-разному относилась к письменному слову: от источника знания, сакральной истины в дореволюционную эпоху до средства борьбы – в советскую. Особое место в формировании интеллигенции занимала литература. Несмотря на явные отличия литературных процессов двух временных отрезков, есть одно важное общее свойство – литературоцентричность.

Ключевые слова и фразы: интеллигенция; письменное слово; литература; социокультурный феномен; образ жизни; образ мысли.

Рудакова Ирина Викторовна, к. филос. н.
Брянский государственный инженерно-технологический университет
ruso.iren@gmail.com

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПИСЬМЕННОГО СЛОВА

Актуальность темы исследования не вызывает сомнения, ведь интеллигенция традиционно является одной из визитных карточек русской культуры. Однако современная ситуация показывает неоднозначное отношение к данному феномену не только в ученой среде, но и в повседневной жизни. Так, социологические исследования описывают стратификацию нынешнего российского общества различными видами страт, используя в большей степени европейские стандарты. Соответственно, традиционное для советской эпохи деление на класс рабочих, крестьян и прослойку между ними – интеллигенцию фактически не используется по вполне понятным причинам. При этом деление общества на основе западноевропейских критериев богатства, престижа, власти (М. Вебер) или, например, американской социологии: престиж, уровень образования, отношение к религии и ранжирование по родственным и этническим группам (Б. Барбер) не отражает специфики российского общества. В связи с этим возникает вопрос и необходимость на него ответить, существует ли сегодня вообще интеллигенция как особый социальный тип или современное русское общество в процессе модернизации постепенно теряет свою национальную специфику?

Существующая исследовательская традиция показывает большой пласт знаний об этом феномене. Интеллигенцию рассматривают как особый социальный тип (Е. В. Ишимская [4], А. А. Скворцова [15], А. А. Труфанов [17], Б. А. Успенский [18] и др.), изучают ее генезис (М. А. Дакоро [2], П. А. Кротов [7] и др.), исследуется ее саморефлексия (М. Л. Гаспаров [1], А. В. Соколов [16] и др.), анализируются различные ее типологические черты (С. М. Климова [5], И. В. Кондаков [6], Л. П. Крысин [8]), влияние литературы на формирование революционного мировоззрения (М. Могильнер [11], И. Паперно [13]) и т.д. Анализ существующей исследовательской традиции выявляет одну важную особенность: во внимание исследователей не включена такая существенная характеристика интеллигенции, как роль письменного слова в формировании и развитии этого социального типа.

Научная новизна данного исследования связана с вышеуказанным выводом и, следовательно, обуславливает **цель** статьи: анализ роли письменного слова в формировании сознания интеллигенции и ее поведения. Другими словами, в фокусе нашего внимания будет взаимосвязь образа мысли и образа жизни интеллигенции.

Это в результате поможет решить две проблемы: понять, интеллигенция – это наше прошлое или в настоящем этот социальный тип также существует. Вторая проблема, связанная с первой: интеллигент – это эквивалент западноевропейского «интеллектуал» или нечто особенное, свойственное только русской культуре социальное образование. Таким образом, письменное слово является некоторой реперной точкой для определения интеллигенции как социокультурного феномена.

Прежде всего, необходимо описать социальный тип классического интеллигента. В основном он формировался из разночинцев, которые включали в себя достаточно широкий круг социальных групп: отставные солдаты, низшие чины государственных служащих, ремесленники, дети личных дворян, образованные люди недворянского происхождения, представители религиозных неправославных меньшинств, однодворцы и прочие. Главной отличительной чертой непосредственно интеллигентов от разночинцев, по мнению многих ученых, была их образованность, то есть фактически интеллигенция того времени представляла собой образованный непривилегированный слой. По сути, в структуре российского общества середины – конца XIX века он занимал маргинальное положение.

Таким образом, маргинальность и образованность являются двумя ключевыми характеристиками этого социального типа. Особое внимание в рамках данной статьи мы уделим второй черте. Указанная образованность имеет специфическую окраску недообразованности или полуобразованности. На формирование этого свойства во многом повлиял образ жизни интеллигента. Дело в том, что «над представителями разночинной интеллигенции, выбившимися из низов, постоянно, не отступая, висела угроза снова провалиться в “омут нищеты”» [20, с. 27]. Образование, которое часто вопреки всем жизненным препятствиям они пытались получить, служило социальным лифтом, поэтому являлось особой ценностью. Следовательно, с одной стороны, представители этого социального слоя буквально жаждали получить знания, так как это была возможность изменить свою жизнь, а с другой – у большинства не было средств, чтобы оплатить обучение и обеспечить себе более или менее сносные бытовые условия жизни. Исследовательница Е. И. Щербакова в своей монографии приводит следующие факты: «Неимущих студентов в здешних учебных заведениях так много, что, несмотря на чрезвычайно большое число стипендий, их далеко недостаточно по числу лиц, которые, за отсутствием собственных средств к жизни, в них бы нуждались или желали бы их получить. К тому же стипендия, по самому своему назначению, должна быть настолько же поощрением молодому человеку, уже выказавшему способности и усердие к науке, сколько вспомоществованием, и недостаточно быть только бедным, для того чтобы иметь притязание на получение стипендии. Такой совершенно правильный взгляд, проведенный в уставах высших учебных заведений о назначении стипендий, имеет, однако, то последствие, что иной студент не может получить стипендию собственно потому, что он беден, то есть, что он, по неимению средств к жизни, уделяет большую часть своего времени преподаванию уроков и вообще занятиям, которые могли бы его прокормить; лекции же посещает нерегулярно и к экзаменам приготовлен недостаточно; словом, он является в глазах начальства недостаточно заслуживающим стипендии, даже прямо неподходящим под правила, существующие относительно признания стипендий» [Там же, с. 40].

Данный пример очень хорошо объясняет, почему образование было в большей степени поверхностным. Фактически чтобы приблизиться к идеалу образованного человека в нищенских условиях существования, молодые люди занимались самообразованием в основном посредством чтения научных трудов, литературы и т.д. Ориентация на письменное слово как истинное, сакральное, а потому и очень важное в жизни была выработана именно в этот период формирования интеллигенции. Большую роль здесь играли университеты, потому что они, как средоточие знания, являлись точкой сбора всех возможных слоев русского общества, надеявшихся улучшить свою жизнь. Это сформировало социальный слой работников умственного труда, для которых их дееспособность была связана во многом с письменным словом.

Указанная ориентация на получение знания и одновременно невосприятие его в полной мере обусловила обращение интеллигентов к литературе как особой форме знания. Литература (как вид искусства) достаточно полно соответствовала удовлетворению духовной потребности. Большую роль здесь сыграла специфика именно русской литературы – ее неразрывная связь с философией, так, М. Горький называл литературу «человековедением», «художественным исследованием». Философичность русской литературы давала возможность получить знания в более «облегченной» форме. Речь идет о том, что философские тексты гораздо труднее для восприятия, чем литературные, так как философ размышляет о жизни, а писатель ее творит. Литература как вид искусства общается с реципиентом посредством художественного образа, который помимо эстетической функции обладает большой долей суггестивности. «В литературе более, чем в пластических искусствах и музыке, художественно воссозданный мир предстает миром осмысленным и поднятым на высокую ступень обобщения. Поэтому литература – наиболее идеологическое из всех искусств...» [10, стлб. 455].

Таким образом, литература как разновидность письменного слова, с одной стороны, удовлетворяет жажду знаний, а с другой – формирует устойчивую потребность в другой реальности. Как было написано выше, интеллигенты ощущали себя людьми, находящимися в состоянии «между», то есть маргинальным слоем, и литература оказалась той реальностью, которая могла их принять и где они себя чувствовали более уверенно, чем в исторической социальной реальности. В рамках реализма (направления искусства XIX в.) это происходило совершенно естественно и гармонично. Характерен пример с Н. Г. Чернышевским. В романе «Что делать?» он изложил теорию нового человека, новой жизни, которую фактически приняли как «евангелие» для интеллигента, суть которого попытались претворить в жизнь в советском обществе. Это привело к удвоению реальности в сознании интеллигента: есть мир исторический и литературно-виртуальный. Причем именно последний обладает качеством истины.

После революции 1917 г. формируется новое, социалистическое, общество, однако и в нем интеллигенция не находит себе достойного места, являясь не классом, а «прослойкой». При этом представители «старой» интеллигенции, как правило, не находят себе места в новом обществе, поэтому власть, в силу различных обстоятельств и усилий, создавала свою советскую интеллигенцию: «...как и всякий другой класс современного

общества, пролетариат не только вырабатывает свою собственную интеллигенцию, но и берет себе сторонников из числа всех и всяких образованных людей» [9, с. 389]. Следовательно, образованность, так же как и в классическом типе, является проводником к интеллигенции, ее маркировкой с одним существенным отличием – повышается ее качество.

Безусловно, новый тип интеллигенции так или иначе формируется под воздействием классического типа. Культурная память типологических черт дореволюционной интеллигенции является условием формирования и сохранения интеллигенции как социальной группы. Сравнение себя с классическим образцом, тоска по нему порождают несогласие, сопротивление явлениям конформизма. На стыке этих двух процессов и существовала советская интеллигенция. К семидесятым годам конфронтация данных процессов дошла до предельного обострения. В итоге произошел раскол на два лагеря: «диссидентов» и «приспособленцев».

Различие между ними можно провести с помощью письменного слова. Оно было не только моделью коммуникации, но и одним из самых сильных и эффективных средств борьбы, используемых и государством, и интеллигенцией. Причем последняя стоит вторично, так как она развивалась и существовала уже в культуре письма. Ее формирование началось во время правления Сталина, когда власть осуществлялась посредством текста. Вся система управления состояла из бюрократического письма. Со временем в такой ситуации воспитывается «человек документа», который привык к тому, что смотреть и слушать, то есть быть бдительным, необходимо для того, чтобы написать, донести в письменном виде, чтобы не стать соучастником.

Именно письмо своими свойствами отвечало требованиям времени – давало возможность влиять на неограниченное количество людей без пространственно-временных ограничений. Жанровый состав письменного слова разнообразен¹ – письмо коллективное², письмо индивидуальное, статьи, произведения художественные и документальные. Их объединяющим началом было желание не стать молчаливым соучастником, что, в сущности, было доносом. Различали их только цели, диапазон которых был широк. От общечеловеческих, например, показать и открыть людям правду, таковым было создание «самиздата» и «тамиздата», до вполне меркантильных, например, освобождение вышестоящего места с целью его получения. «Д. Алла (младший научный сотрудник) написала в газету письмо о своем шефе. Обвиняет Бюрю А. в “бесчеловечности, хамстве, низости, лжи, лицемерии”, а конкретно: “все данные опытов, проводимых в лаборатории, прячет себе в сейф и потом... исправляет результаты по своему хотению...”, впрочем, сам А. – один из немногих завлабов, не заискивающий перед парткомовской кодлой. Вот и реагируют они» [19, с. 23].

Большую роль в жизни и формировании советского интеллигента, как и в классическом типе, по-прежнему играет литература, однако с другими акцентами. В рамках национализации культуры были созданы различные структуры власти (Госкомиздат, союз писателей и т.д.), отвечающие за регулирование литературного производства. Дело в том, что новая, во многом искусственно созданная советская интеллигенция была предназначена для формирования социалистического сознания с советской окраской у населения многонационального СССР. Литераторам, писателям, критикам, издателям по вполне объяснимым причинам в этой деятельности отводится существенная роль, которую, как сказано выше, не все были готовы исполнять. Сохраняя интеллигентскую сущность, многие продолжают теперь уже в рамках диалога с другой властью вынужденно вырабатывать двойное мышление и свой «эзопов язык», а в крайних проявлениях – и вообще «другую» литературу. В итоге литература продолжает традицию быть истинной реальностью по сравнению с исторической, а литературный институт фактически взял на себя функции, свойственные университету в конце XIX – начале XX в.

Пожалуй, большой интерес в этом аспекте представляет издательство крупных журналов («Дружба народов», «Новый мир» и др.), которые «выполняли свою главную функцию – приобщения к литературным образцам и представлениям, значимым для консолидации всего образованного слоя» [3, с. 51]. Эти журналы транслировали свой определенный образ мира сквозь призму литературы. Постоянные авторы, заголовки, внутренняя переключка материалов, большая роль отделов публицистики и критики – все это формировало особую социокультурную реальность, которая для каждого журнала была своя.

Итак, образ жизни, образ мысли, их формирование посредством письменного слова в советскую эпоху стало маркером интеллигента, то есть интеллигент – это не только и не столько образованный человек, сколько читающий и пишущий. Указанное качество хорошо проиллюстрировано в советских фильмах.

Следовательно, письменное слово является одной из важных характеристик интеллигенции. Вместе с тем с развитием во времени этого социального типа меняется смысловая нагрузка: для классической интеллигенции оно выступало источником знания, сакральной истины, для советской – средством борьбы. Особое место в формировании интеллигенции занимала литература как разновидность письменного слова. Несмотря на явные отличия литературных процессов двух временных отрезков, есть одно важное общее свойство –

¹ Здесь мы не учитываем бытовую семейную переписку.

² Авторы коллективного письма Петр Якира, Илья Габай, Юлий Ким: «...наивным надеждам на полное оздоровление общественной жизни, вселенным в нас XX и XXII съездами, не удалось сбыться. Медленно, но неуклонно идет процесс реставрации сталинизма. Главный расчет при этом делается на нашу общественную инертность, короткую память, горькую привычку нашу к несвободе... Мы обращаемся к вам, людям творческого труда, которым наш народ бесконечно верит; поднимите свой голос против надвигающейся опасности новых сталиных и новых ежовых... Помните: в тяжелых условиях лагерей строгого режима томятся люди, посмеявшие думать. Каждый раз, когда вы молчите, возникает ступенька к новому судебному процессу. Исподволь, с вашего молчаливого согласия может наступить новый тридцать седьмой год...» [12, с. 210].

литературоцентричность, которая во многом объясняет, чем отличается западноевропейский интеллигент (образованность) от русского интеллигента (идеологичность).

Если анализировать современное общество сквозь призму отношения к письменному слову, то интеллигенции ни в классическом типе, ни в советском не существует. Однако это является темой дальнейшего отдельного исследования.

Список источников

1. **Гаспаров М. Л.** Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность // Русская интеллигенция. История и судьба / сост. Т. Б. Князевская. М., 2000. С. 5-14.
2. **Дакоро М. А.** Проблема генезиса и специфики российской интеллигенции [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-genezisa-i-spetsifiki-rossiyskoj-intelligentsii> (дата обращения: 06.07.2019).
3. **Дубин Б. В.** Классика, после и рядом: социологические очерки о литературе и культуре: сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 345 с.
4. **Ишимская Е. В.** Интеллигенция: основные категории философского дискурса [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intelligentsiya-osnovnye-kategorii-filosofskogo-diskursa> (дата обращения: 06.07.2019).
5. **Климова С. М.** Мифы о русской интеллигенции: веки XX века («начала» и «концы») [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mify-o-russkoj-intelligentsii-vehi-xx-veka-nachala-i-kontsy> (дата обращения: 20.07.2018).
6. **Кондаков И. В.** К феноменологии русской интеллигенции // Русская интеллигенция. История и судьба / сост. Т. Б. Князевская. М., 2000. С. 63-90.
7. **Кротов П. А.** Писатель П. Н. Крёкшин – человек Переходной эпохи XVIII века (к вопросу о генезисе интеллигенции) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pisatel-p-n-kryokshin-chelovek-perehodnoy-epohi-xviii-veka-k-voprosu-o-genezise-intelligentsii> (дата обращения: 06.07.2019).
8. **Крысин Л.** Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 90-106.
9. **Ленин В. И.** Полное собрание сочинений: в 55-ти т. М.: Изд-во политической литературы, 1979. Т. 6. Январь-август 1902 г. 619 с.
10. **Литература** // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина; Ин-т науч. информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стлб.
11. **Могильнер М.** Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX в. как предмет семиотического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 208 с.
12. **Орлова Р., Копелев Л.** Мы жили в Москве: 1956-1980. М.: Книга, 1990. 447 с.
13. **Паперно И.** Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма / авториз. пер. с англ. Т. Я. Казачинской. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 207 с.
14. **Реброва И. В.** Речевое поведение российской интеллигенции и его отражение в жанре рецензии сетевых литературных журналов русского зарубежья // Филологический класс. 2015. № 2 (40). С. 66-74.
15. **Скворцова А. А.** Теоретические подходы к исследованию интеллигенции как социальной группы [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-issledovaniyu-intelligentsii-kak-sotsialnoy-gruppy> (дата обращения: 06.07.2019).
16. **Соколов А. В.** Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 344 с.
17. **Труфанов А. А.** Основы теории интеллигентности. Казань: Новое знание, 2002. 272 с.
18. **Успенский Б.** Этюды о русской истории. СПб.: Азбука, 2002. 480 с.
19. **Филиппович Э. Г.** От советской пионерки до челнока-пензионерки. М.: Изд. содружество А. Богатых и Э. Ракитской, 2003. 584 с.
20. **Щербакова Е. И.** «Отщепенцы». Путь к терроризму (60-80-е годы XIX века) / под ред. Г. А. Бордюгова; послесловие Н. И. Дедкова. М.: Новый Хронограф; АИРО-XXI, 2008. 224 с.

INTELLIGENTSIA THROUGH THE LENSES OF A WRITTEN WORD

Rudakova Irina Viktorovna, Ph. D. in Philosophy
Bryansk State Technological University of Engineering
ruso.iren@gmail.com

The article analyses the history of intelligentsia through the lenses of a written word. Typological features, peculiarities of formation and development, specificity of mentality and lifestyle of this social stratum are considered by means of its attitude to a written word, literature. The author concludes that at different stages of its development, intelligentsia perceived a written word in various ways: as a source of knowledge, sacral truth in the pre-revolutionary epoch, and as an instrument of struggle in the Soviet epoch. A special place in the formation of intelligentsia belongs to literature. In spite of evident differences between literary processes in pre-revolutionary and Soviet Russia, they are characterized by an important common feature – literature centrality.

Key words and phrases: intelligentsia; written word; literature; sociocultural phenomenon; lifestyle; mentality.